

Мин. 202, 1979, 18 апр. № 16

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

«Падение Ивана Чупрова», «Ухабы», «Чудотворная», «Суд», «Затмение» — эти и другие книги Владимира Тендрякова хорошо известны советским читателям. Остроконфликтные, заставляющие человека задумываться над сложными проблемами современности, они всегда вызывают спор, полемику и среди читателей, и среди критиков. Корреспондент «ЛГ» А. Верещина встретила с писателем и попросила его рассказать о работе над своими произведениями.

— В одном из номеров «Литературного обозрения» была опубликована рецензия В. Дудинцева на повесть Тендрякова «Затмение». «...Годится ли писателю, — недоумевал рецензент, — быть неопределенным, прятать свою точку зрения на то, о чем он пишет?» Как вы относитесь к утверждению критика? — Таким был мой первый вопрос к писателю.

— Да ничуть я ее не зауалировал. Если есть вопросы, раскрывая которые я не могу быть полностью открытым, то мне лучше за них не брать. В «Затмении» я специально взял самый тривиальный сюжет: «он» и «она», которая его не любит. Но я хотел не просто показать сложности отношений двух людей, а поразмыслить над ними. Жизнь человека и богата, и сложна разнообразием его связей с миром. Потому что и сам он и многогранен, и беспределен. И, казалось бы, простейшая человеческая связь — «он» и «она». Более простой, более короткой и в то же время более сложной, важной связи, чем эта, на мой взгляд, нет. С нее начинаются все отношения — и личности с коллективом, и коллектива с личностью, и одних сообществ с другими, и т. д. И вот я взял, казалось бы, простейшую из общественных связей, даже не клетку, а молекулу, и стремился понять то тайное, которое связывает нас. Понять, почему другие люди, вторгаясь в нашу жизнь, ломают, подавляют или возвышают нас.

...Если бы в том, что произошло между героями повести, был виноват только кто-то один, получилась бы банальная и преднамеренная вещь, мелодрама. Я старался избежать этого, пытался показать, как зыбка и прихотлива эта самая простейшая человеческая связь... Павел — идеальный человек? Нет. Он благороден? Да. Но далеко не всегда. Не идеална и Майя. А Гоша? Он пытается обратить людей в веру не ради корысти, желает искренне помочь людям. И Павел, и Майя, и Гоша несут в самих себе «затмение» и пока не в силах преодолеть его. Но парадокс: там, где мое отношение к героям оказывается более или менее сложным, критики нередко видят «лабиринт противоречий» или считают, что я зауалировал свою точку зрения.

Я должен себя контролировать в своих писаниях, потому что могу быть излишне пристрастен. Важно, чтобы эта пристрастность не носила сугубо индивидуалистический характер. Мои произведения должны затрагивать, отражать интересы других людей, а если главным будет мое восприятие, мой субъективный взгляд, то это будет мало кому интересно. Писатель должен уметь сказать о жизни объективное слово.

— Владимир Федорович, здесь невольно встает вопрос о восприятии и понимании художественного произведения. Ведь если писатель-критик не увидел того, что вы хотели сказать, то и читатель может прочесть вашу вещь не так, как вам хотелось бы.

— А вот это беспокоит. Критики часто меня упрекают в

том, что я разжевываю, декларирую какие-то вещи. А что делать? Разве я могу оставлять недомолвки, полунамеки и надеяться, что читатель за меня додумает? Он так додумает, как мне не хочется. Иной может все вывернуть шиворот-навыворот. И сделать выводы, против которых я, может быть, пытаюсь бороться всю мою жизнь. Иногда желание «разжевать и в рот положить» становится навязчивым. Но если я замечаю декларативность, прямолинейность, то, естест-

Владимир
ТЕНДРЯКОВ:

ВДОХНОВЕНИЯ

венно, стараюсь убраться. В «Затмении» этого, кажется, нет. Но, как видите, теперь критики упрекают уже в «зауалированности» позиции.

— В работе «Плоть искусства», обращаясь к читателю, вы говорите о том, что вот уже много лет заставляете его радоваться или страдать, восхищаться или ненавидеть. Но далее, как бы вступая в спор с самим собой, пишете: «И так ли уж я заставляю Тебя? По своему ли произволу? А может, я сам от Тебя зави- сим?» Как вы ощущаете эту зависимость от читателя?

— Любимой может взять в руки мою книгу и прочитать ее. И это в первую очередь определяет мою зависимость от читателя. Писатель не живет в безвоздушном пространстве. Он всегда в читательской гуще. А так как я одновременно являюсь и читателем (не самого себя, разумеется), и соучастником жизни окружающих меня людей, то я, в общем, без каких-то сложностей, без труда, с достаточным приближением угадываю то, что волнует читателя.

Я сомневаюсь в искренности Сомерсета Моэма, когда он говорит, что ему безразлично, поверят ему читатели или нет. Что главное для него — самовыражение. Не может писатель сесть за стол, если ему безразлично, проникнет ли в человека его слово, его переживание, его страсть, его мысль. Я сажусь за стол, чтобы выразить, приоткрыть то, что во мне скопилось. Показать то, что, может быть, другие пока не видят. Не исключено, что я пишу банальности, открываю очевидное всем. Но когда я пишу, то надеюсь, что это будет великое — не менее того — откровение. Удастся ли это? Ой ли?... И по многим причинам. Во-первых, может быть,

не хватает мастерства. Во-вторых, вопрос слишком сложный, просто о нем не скажешь, а упрощать в угоду тому, чтобы быть понятным, я считаю недостойным любого писателя. Даже больше: упрощать сложные проблемы — значит обманывать читателя.

Ну, а все вместе выходит так: искусство творит не только художник, но и зритель.

— Владимир Федорович, в своих произведениях вы вновь и вновь возвращаетесь к проблемам искусства. И всегда в них — простите мне некоторую, быть может, не деликатность — ощущается ностальгия по тем дням, по тому времени, когда вы сами держали кисть в руке. Не жалеете ли вы, что оставили когда-то художественный факультет ВГИКа и не стали художником?

— Жалею. Все время жалею. Когда вижу хороший пейзаж, хорошую картину. Все время жалею. Но двум богам молиться нельзя. Я это уже тогда понял...

— Помог ли вам кто-нибудь в начале писательского пути?

— Я и по сей день с благодарностью вспоминаю, как

— Но вот работа окончена. Какие чувства возникают тогда?

— Одно чувство — глубокого неудовлетворения. Всегда недоволен собой. Переписываю рукописи по семь-десять раз. И каждый раз, когда читаю их и переписываю, страдаю от сознания неудачи. С годами я все труднее пишу. Без конца возникают новые варианты.

Как-то попался в руки том Толстого из 90-томного юбилейного его собрания. В этом томе собраны варианты и черновики «Хаджи-Мурата». Читая первые варианты этой изумительной вещи, я поражаюсь тому, как отличаются они от окончательного текста. В них очевидны и робость мысли, и даже, представьте, неумелость письма. Так что приходится утешаться, что и великие писатели добивались своего каторжным трудом.

— Как вообще строится ваш рабочий день?

— Стараюсь работать каждый день. Иногда получается, иногда — нет. Чаще нет, чем да.

НЕ ЖДАТЬ

— Владимир Федорович, известно, что некоторые писатели, прежде чем сесть за письменный стол, рассказывают кому-нибудь то, что должно лечь на бумагу. В этом процессе выгааривания проясняется замысел, выстраивается сюжет, логика повествования...

— Нет, я всегда сам в себе варюсь. Если я кому-то и пытаюсь рассказать то, о чем хочу написать, ничего хорошего из этого не получается. Может, рассказчик я плохой, но слушатели мои вежливо пожимают плечами, вежливо говорят, что да, интересно. Но я то чувствую, что это простая вежливость, сознаю всю неуклюжесть того, о чем говорю, и больше уж не пытаюсь рассказывать.

— А прежде чем отдать рукопись в печать, не проверяете ли вы ее на ком-нибудь?

— Жена — мой самый нелицеприятный критик.

— Возвращаетесь ли вы к тем произведениям, которые уже опубликованы, дорабатываете ли их?

— Возвращаться не люблю. Хотя порой и хочется что-то дополнить, переделать. Например, «Апостольскую командировку» я дополнил по сравнению с журнальным вариантом. А вообще изданные вещи уже не чувствуешь своими. Только те, что лежат на столе или в столе, еще мои. Среди них есть одна, которую я тянул в течение пятнадцати лет, похоже, что вытянул.

— На вопрос, какое произведение из всего созданного вами вы считаете лучшим, писатели, как правило, отвечают: ненаписанное. А как бы вы ответили?

— Для меня самая лучшая книга та, которую я пишу. Надеюсь: вдруг да переверну мир. Но он все так и не переворачивается...

— А как у вас рождается замысел новой вещи?

— Каждый раз по-разному, часто роль катализатора может сыграть какой-нибудь внешний толчок. Вот, например, повесть «Поденка — век короткий». Толчок был самый ба-

нальный: я прочитал в «Известиях» заметку из зала суда о том, как доярка подожгла коровник. Или как-то мне рассказали об одном казавшемся всем черствым человеке, который нашел в лесу брошенную девочку и нес ее десятки километров на себе. Это толкнуло на «Находку». Для «Затмения» послужило то, что я случайно наблюдал затмение луны, именно то, которое и описано в повести. И лягушек при этом слышал. Как-то стало размазываться, обростать, в конце концов с мучениями получилась повесть.

— Помогают ли вам в реализации замысла записные книжки, планы?

— Всю жизнь мечтаю вести записные книжки. Но человек я очень неорганизованный. Занести в книжку более трех записей никогда не удавалось. Но я успокаиваю себя словами Альберта Эйнштейна. На подобный вопрос он когда-то ответил, что за всю жизнь ему пришли в голову две-три умные мысли, он запомнил их и без записных книжек. Мои мысли, увы, помельче и потому-то, похоже, навеваются чаще, и все-таки кое-как я их запоминаю. И с составлением планов у меня не получается, и дневники не умею вести, хотя они очень важны в писательском деле, признаю. Впрочем, я многое признаю, но... не исполняю.

— Читаешь ваши книги — и складывается впечатление, что вы хотите постепенно охватить все сферы нашего общества, все социальные слои. Было ли это вашей сознательной целью или получилось невольной? Кажется, только военная тема не нашла еще у вас воплощения. Собираетесь ли вы со временем обратиться к ней? Получилось сразу два вопроса.

— Если это и получилось, то невольно. Я уже говорил, что писать на заданную тему не могу. А что касается военной темы, причина может быть в том, что, как ни странно это прозвучит, на войне я прожил самые уравновешенные дни моей жизни — не знал никаких внутренних сомнений, никаких колебаний. Я знал одно: впереди противник, рядом с тобой товарищи, позади страна, которую я защищаю... Думаю, что о войне еще напишу...